

Станислав МИНАКОВ

«МЕТИ, МЕТИ, МОЯ МЕТЕЛЬ!»

Давно меня донимала странная задумка: сочинить текст к свиридовскому «Романсу», написанному нашим великим современником к пушкинской «Метели» в 1973 году.

Понятно, что это — не вокальное, не хоровое, а инструментальное произведение. Тем не менее у Георгия Васильевича стояло два мешка писем с текстами к «Романсу».

Один из наиболее распространенных вариантов — сочинение «Живи, мечта» в прекрасном исполнении а капелла Архиерейского праздничного мужского хора Свято-Троицкой Александро-Невской лавры; тогда регентом коллектива был замечательный музыкант Валерий Рязанов. «Живи, мечта, живи во мне / Надеждой светлою, не угасая, / Мне встречу с милой обещая, / Живи, высокая, живи, родная! / Мне встречу с милой обещая, / Живи, высокая, живи во мне!» Пусть не обижается автор текста (в одних источниках назван Геннадий Пасько, в других — Ал. Сергеев), он мне показался избыточно «розово-воздушным».

К музыке «Романса» также написан текст епископом Тихоном (Шевкуновым), озаглавленный как «Реквием», известный в исполнении хора Сретенского монастыря (художественный руководитель и регент — Никон Жила, солист — Дмитрий Белосельский). Это вполне возможный, конечно, и по-своему впечатляющий смысловой подход, хотя и весьма опосредованно соотносящийся с «Метелью» и «Романсом». Все же романс есть романс, а реквием — заупокойная месса. На мой слух, главным

Станислав Александрович Минаков — поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Автор книг стихов и прозы, энциклопедий и альбомов. Родился в 1959 году в Харькове (УССР). С 1961-го по 1978 год жил в Белгороде (Россия), куда по причинам преследований за инакомыслие переехал в 2014 году. В 1983-м окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Член Союза писателей России, Всемирной организации писателей International PEN Club. Из Национального союза писателей Украины исключен в 2014-м после двадцатилетнего членства в организации. Лауреат Международной премии Арсения и Андрея Тарковских (2008) и других литературных и журналистских премий России и Украины.

недостатком этого — замечательно вокального — варианта является местами некоторое искажение (например, в первой же строке: «Никто, никто не станет рядом...») мелодической линии неточной подтекстовкой; в некоторых стихах должны бы быть мужские окончания.

Уже после того, как я закончил свою работу, поиски привели и к еще одному варианту текста, сочиненному поэтом Станиславом Золотцевым, где есть концептуальные и для меня строки «И сердце русское горит в метели», «Метель — навек. Метель — повсюду...» с понятным выходом к пушкинскому Святогорью:

Метель — судьба. Метель — подруга
В морозной нежности, в разгульной силе...
«Оставьте мне метель да вьюгу» —
Да песню вольную в полях России.

И смерти нет сердцам людским!
И дышат радостью снега и взоры,
Когда влюблен, когда любим.
И сквозь метель видны Святые Горы...

Профессор Красноярского государственного института искусств Ирина Ефимова, автор книги о вокальном творчестве Свиридова, предостерегающе написала мне: «Музыка и сильнее и слабее поэзии. Сильнее — в своей способности к обобщению через ключевую интонацию любого стихотворного текста. Слабее — в бессилии передать конкретность поэтических образов, осуществляемую в словах. А слово — это все-таки понятие. Музыкальная интонация это самое понятие спрессовывает до смыслового ядра. И если музыкант гениален (как Глинка, Чайковский, Мусоргский, Свиридов), то его музыка сама „скажет“ в одной мелодии все, что выразили стихи. А свиридовский „Романс“ парадоксально схож с булгаковским романом „Мастер и Маргарита“: кто ни возьмется интерпретировать „в рассуждении чина“, ничего не получается».

Действительно есть дерзость в том, чтобы тщиться добавить что-то к законченному, совершенному, безупречному полотну. Очень трудно вписаться в эту великую самодостаточную музыку, в сущности не нуждающуюся в вербальной конкретизации. Следует также помнить, что музыка эта уже имеет истоковый импульс — начальную интонацию известнейшего романса Николая Зубова «Не уходи, побудь со мною...», написанного на рубеже XX века (называют две даты его создания — 1899 и 1901 годы).

Но сила красоты, явленная нам Свиридовым в «Романсе», имеет пленяющую природу. И вот на 100-летие композитора, на Рождество 2016 года осуществилось задуманное — под натуральную метель, разыгравшуюся в Белгороде за окнами. Сложилось мое приношение любимому музыкальному гению. Но через автора музыки — и Пушкину, конечно же.

Ахматова любила повторять, что главное — это величие замысла. У меня с самого начала замысел был с пушкинской подсветкой, которая тут, понятно, изначально присутствует, более того, отсылая в каком-то смысле и к драматизму «Пира во время чумы».

Посыл во мне бродил все годы в виде слов «Мети, мети, моя метель!». Это и стало интонационным лейтмотивом моего сочинения. Со слова «мети» оно начинается, им и заканчивается. Императивные «удары» повторяются, но вариативно:

«мети, мети», «прости, прости», «храни, храни», «усни, усни» (последнее — в прикровенном виде, как «и мы уснем»).

В целом получилась своего рода «псевдоромантическая провокация». И лексика — отчасти отстраненная, «неавторская» (то есть не моя), и это не стихи, а «подпись к пиесе», романсированная. «Свое» если и пробивается на словесном уровне — прежде всего в избыточном присутствии эпитета «живой», а также слов «жизнь», «жив» — как нарочитая антитеза традиционному образу метели как умиранию, хотя бы и временному.

В помощь при сочинении текста «Метель. Романс» мной была взята запись Государственного академического Большого симфонического оркестра им. П. И. Чайковского (дирижер Владимир Федосеев).

Инструментовка существенно отразилась на содержании получившегося текста, поэтому остановлюсь и на ней. Мне казалось, что в тексте важно было сохранить драматургию оркестровки: труба вступает как «голос судьбы» в кульминационный момент. Форма свиридовского «Романса» (как и в «Болеро» Равеля) — вариации на неизменную мелодию (так называемые «глинкинские вариации»). Тема повторяется пять раз в разном оркестровом облачении, и потому именно оркестр играет здесь смыслообразующую роль: благодаря постепенной динамизации оркестровки осуществляется крещендо, способствующее усилению драматизма музыкального образа, а потом диминуэндо, воплощающее развязку музыкального сюжета (тема «Романса» звучит как печальное воспоминание).

Опишем пять «музыкальных строф»:

1. Общий зачин. Мелодию интонирует скрипка, виолончель вступает как подголосок (когда возникает дуэтная фактура, рождается идея диалога).

2. Лирический сюжет. Тему романса в этой строфе интонирует гобой, у флейты звучит новый подголосок (двусложные, потом — трехсложные мотивы), затем виолончельный контрапункт из первой строфы исполняет английский рожок, а флейта с гобоем допевают тему в терцию.

3. Собственно метельная картина (с элементами звукописи).

В этой строфе основная мелодия звучит в партии части первых скрипок (они играют дивиси: одна часть скрипок поет тему, а другая часть играет тот самый «метельный», «вьюжный» подголосок). В аккомпанирующих голосах — контрабасы (тоже дивиси).

4. Апофеоз метели (кульминация с солирующей трубой).

5. Лирическая реминисценция.

В этой (последней) строфе тему ведет кларнет, контрапункт — у скрипки, а в последних четырех фразах подключается виолончель (далекой печальной реминисценцией звучит подголосок из первой строфы).

И вот собственно сам текст метельного «Романса», записанного с 6-го по 16 января 2016 года, в святочные дни.

1.

Мети, мети,
моя метель!
В одной тебе ловлю
дыханье жизни.
Жив Божий Свет
в твоей отчизне.
В одной тебе, метель, —
желанье жизни.

Жив Божий Свет
в твоей отчизне.
Мети, моя метель!
Мети, мети!

2.

Прости, прости,
 моя любовь,
 что я не смог сберечь
 твоей надежды!
 Теперь метель
 нам даст одежды,
 для жизни истинной
 откроет вежды.

Теперь метель
 нам даст одежды.
 Прости, моя любовь,
 прости, прости!

3.

Храни, храни
 в живых снегах
 воспоминания
 любви земные!
 Метель пошлет
 нам сны иные,
 зажжет в живой ночи
 огни дневные.

Метель пошлет
 нам сны иные,
 но память здешнюю
 храни, храни!

4.

Мети, метель!
 Мети, метель!
 Мы лучшей участи
 и не хотели:
 сокрой же нас
 в живой постели,
 скорей сокрой, метель!
 Хвала метели!

Сокрой же нас
 в своей постели!
 Скорей сокрой, метель!
 <Мети!> <Мети!>

5.

Лишь тот уснет,
 кто знал любовь,
 в ком память нежности
 вовек сохранна, —
 тому метель
 как сон желанна,
 и ты скажи, мой друг:
 снегам осанна!

И нам с тобой
 метель желанна.
 И мы уснем, мой друг!
 Метель, мети!

Метель я понимаю здесь как укрывающую, высшую силу. Пушкинское-«метельное», на мой взгляд, местами ощущается в лексике («вежды» и т. п.). «Хвала метели!» — интонационная аллюзия на прославление Чумы (в упраздненном первом варианте было еще прямей: «Восславим мать-метель! Хвала метели!»).

Ирина Ушакова, писатель (Москва), довольно точно восприняла мои тщания, откликнувшись на них так: «Грустно и светло, немногословно, потаенно; здесь — русские понятия: любовь-прощение-сон-смерть-вечность-снег-метель-любовь».

«„Метель“ — вообще очень емкий символ, — пишет доцент кафедры истории музыки Красноярского государственного института искусств Валентина Чайкина. —

С ней связан образ русской дороги, русской тройки. (А последняя после Гоголя — символ России. Образ России как тройки, летящей в пропасть, воплощен в 1-й части рахманиновских „Симфонических танцев“.) Метель в данном тексте я понимаю как очистительную стихию. Метель как Покров, очищающий душу от земных страстей, готовящий ее к Переходу в жизнь иную. Метель — снежный вихрь. Снег гасит огонь земных страстей. „Любовь земная“ часто сопряжена со страстью. Любовь-страсть — это любовь-болезнь («Но узнаю по всем приметам *болезнь любви* (выделено мною. — В. Ч.) в душе моей»). Но человеку в земной жизни трудно прожить без такой любви. Искушение ею посылается очень многим. И потому „лишь тот уснет, кто знал любовь“, т. е. тот, кто в земной жизни познал „любовь земную“ во всей ее полноте, но смог освободиться от страстей и уже жаждет покоя — „тому метель как сон желанна“».

Возникает ряд вопросов, касающихся исполнения «Романса» с поэтическим текстом. Должен звучать хор или пусть поет солирующий голос? Можно ли исполнять это лишь в сопровождении фортепиано, или важно сохранить всю оркестровую ткань? С этими вопросами я обратился к своим друзьям — профессиональным музыкантам. Один из возможных вариантов исполнения «Романса» с моим текстом был предложен В. Чайкиной, которая считает, что в идеале здесь помимо хора нужны два солиста (мужской и женский голоса), и тогда можно реализовать тембровую драматургию музыки Свиридова.

Мое общение с Георгием Васильевичем продолжается, несмотря на то, что он ушел от нас в 1998 году. Есть несколько лестных для меня свидетельств в связи со свиридовскими отзывами о моих поэтических писаниях. А в одном его блокноте (начала 1990-х) на вырванном листке директором Свиридовского фонда Александром Белоненко, племянником композитора, найдена в 2016 году следующая запись: «Ответ Станисл. Алдр. Минакову — подробный».

Но письма от Георгия Васильевича я не получил. Иногда ответа приходится ждать очень долго.